

1115

1/2 11/2

Сцена.

Утро памяти Комиссаржевской.

Новый Драматический театр.

Тускло, слезливо горят поминальные свѣчи въ фойе Новаго Драматическаго театра. Вездѣ покрасѣвшіе глаза, стыдливое всхлипываніе; звучитъ безстрастное и все же хватающее за душу пѣніе...

Къ портретамъ Комиссаржевской въ фойе присоединилась большая статуя, работы М. Блоха, и бронзовый бюстъ. Бывшее прежде сходство и чертъ, и выраженія милого лица В. О., теперь какъ-будто исчезло; быть можетъ, виной плохое освѣщеніе, или статуя передѣлана авторомъ, но сейчасъ она не трогаетъ, не умиляетъ.

Въ толпѣ, наполнившей залъ, гдѣ еще витаетъ свѣтлая тѣнь Комиссаржевской, преобладаютъ скорбные черные цвѣта. Тоскливой безнадежностью звучала мелодія шопеновскаго «Marche funebre», — и толпа прослушала его стоя, въ благоговѣйномъ молчаніи. Щемило душу и хотѣлось плакать дѣтскими, безсильными слезами.

Быть можетъ, наилучшими поминками было бы сейчасъ-же послѣ этикетъ торжественныхъ аккордовъ, не расписывая молитвеннаго настроенія въ душѣ, тихо разойтись по домамъ. Но предстояла еще большая поминальная программа.

Красиво построенную рѣчь сказать О. Дымовъ; отыскать, особо его цѣль, это служеніе

В. О. театру «было похоже на какое-то предпрѣданіе, на исполненіе чьей-то скрытой воли». Мысль и вѣрная, и тонко подмѣченная.

Въ условно-театральной, оставляющей безучастнымъ манеръ прочла В. Мичурина стихотвореніе Т. Щепкиной-Куперникъ, и для чего-то, вслѣдъ за этимъ, еще одно.

Пѣли Макаровъ и Тартаковъ, красиво и строго пѣлъ женскій хоръ (муз. Лядова) къ «Сестрѣ Беатрисѣ», съ которой связаны лучшія, самыя волнующія воспоминанія о В. О., какъ артистѣ.

Опять появилась, добытая изъ старыхъ сараевъ, превосходная декорация, въ которой «Беатриса» шла при Вѣрѣ Федоровнѣ.

Довольно большой, расхолаживающій антрактъ — и вотъ мы въ копированномъ мірѣ пятого акта «Жизни человѣка», поставленнаго на этотъ разъ Л. Андреевымъ.

«Жизнь человѣка», одна изъ изысканнѣйшихъ постановокъ театра временъ Комиссаржевской, не напоминаетъ о живой Вѣрѣ Федоровнѣ, — она въ этой пьесѣ не играла, но напоминаетъ зато о ея жуткой, безвременной кончинѣ.

Ожилъ и получилъ въ день поминанокъ особый смыслъ — суровый силуэтъ «Нѣкоего въ сѣромъ», и отвратительный, хихикающій, смѣхъ старухъ вокругъ умирающаго Человѣка...

Предстояло прослушать еще кого-то, и еще кого-то, но я вышелъ изъ театра, боясь оскорбительнаго въ такой день чувства холодныхъ будней.

Л. Вас — ий.